

А. В. Никитина

ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ КЕНОЗЕРЬЯ: ФАКТОР ЖЕНСКОГО ИСПОЛНЕНИЯ ЭПОСА

Резюме

В статье предпринята попытка проанализировать ряд изменений, происходивших с Кенозерской эпической традицией в XIX–XX вв., маркирующих ускоряющийся процесс ее деградации и угасания. Одним из таких изменений следует признать фактор женского исполнения эпоса, усиление и специфические проявления которого четко просматриваются в цифрах фиксации экспедиционной работы, а также в репертуаре. Для анализа были привлечены данные первых собирателей и исследователей эпоса Олонецкой губернии в XIX в. П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга и результаты экспедиций второй половины 20-х и конца 50-х гг. XX в. Существенным подспорьем в исследовании стали материалы подготавливаемого тома былин Кенозерья для Свода русского фольклора и незавершенная статья Ю. А. Новикова об эпической традиции Кенозерского края. Полученные результаты показали двойственный характер женского исполнения эпоса — с одной стороны, он способствует поддержанию и сохранению традиции, с другой — содействует ее упадку и отмиранию.

Ключевые слова: Кенозеро, эпическая традиция, женское сказительство, былина

Alla V. Nikitina

THE EPIC TRADITION OF THE KENOZERO REGION: THE FACTOR OF FEMALE PERFORMANCE

Abstract

This paper attempts to analyze the changes in the Kenozero epic tradition that marked the acceleration of its degradation and of its disappearance in the 19th and 20th centuries. One of these changes was the increasing female involvement in the performance of the epos (*byliny*). The female performance of the *byliny* and its specific attributes are reflected in the

© А. В. Никитина, 2023

field data and in the repertoire. In this study, I analyze the materials that were obtained by P. N. Rybnikov and A. F. Gilferding, who were the first to collect and study the folklore of the Olonez region in the 19th century. I also use the materials that were gathered in expeditions undertaken in the early 1920's and in the late 1950's and the texts that are included in the volume of the Kenozero *byliny* of the *Svod russkogo folklora* (Code of Russian folklore) series, which is presently awaiting publication. I also discuss Yurii Novikov's unpublished paper on the epic tradition of the Kenozero region. The results of this study demonstrate the ambivalent impact of female performance on the preservation of the Kenozero epic tradition: although the tradition is maintained, it shows signs of decline.

Keywords: Kenozero, epic tradition, female narrator, bylina

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-59-75

Весной 2021 г. Ю. А. Новиков передал для тома былин Кенозерья (серия «Свод русского фольклора») статью об эпической традиции края¹, вернее, ее рабочую версию — в сопроводительной записке об отправляемом тексте говорилось как о заготовке, предполагались дополнения и правка. Внимание привлекает концепция статьи: с одной стороны, создается впечатление диалога с «первооткрывателем» кенозерской традиции А. Ф. Гильфердингом², с другой стороны, очевидна сфокусированность проводимого анализа на репертуаре, в первую очередь на его сюжетной стороне. Это не может не вызывать интерес, поскольку именно Гильфердинг ввел принцип рассмотрения традиции, основываясь не на версиях и вариантах сюжета, а на личности сказителя и его исполнительском мастерстве.

Но если Ю. А. Новиков ведет диалог с А. Ф. Гильфердингом, то последний, в свою очередь, собеседует с П. Н. Рыбниковым. Хорошо известные слова Гильфердинга о Кенозере как об «оазисе», где «в настоящее время цветет эпическая поэзия» и «воздух... еще пропитан духом эпической поэзии» [Гильфердинг, с. XVIII, XX], — это возражение на обобщение Рыбникова об угасании эпической традиции в регионе: «У большинства сказителей вряд ли найдутся наследники, и через 20–30 лет, по смерти лучших представителей нынешнего поколения певцов, былины в Олонецкой губернии удержатся в памяти у очень немногих...» [Рыбников, с. СII]. Гильфердинг не опровергает мнение П. Н. Рыбникова по Олонецкому краю в целом, но вычленяет северо-восточную группу — Выгозеро, Водлозеро, Кенозеро и Мошу, — указывая на жизнеспособность там эпоса и обозначая факторы, которые могли бы продлить его активное существование. «Это вполне спра-

¹ Статья так и называется: «Эпическая традиция Кенозерского края», дата пересылки по электронной почте — 21.04.2021.

² В первую очередь имеется в виду обращение к известной статье А. Ф. Гильфердинга «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» [Гильфердинг, с. VII–XLVIII].

ведливо, — пишет Гильфердинг, — относительно той местности, с которою г. Рыбников лично ознакомился, именно побережья Онежского озера; здесь, действительно, эпическая поэзия близка к вымиранию³ (...) Но совершенно другое дело дальше к северу и востоку (...) нет никакого сомнения, что на Кенозере и Водлозере наш народный эпос еще совершенно живуч и может там долго-долго продержаться, если только в эту глушь не проникнет промышленное движение и школа» [Гильфердинг, с. XVIII, XXI].

Почти век спустя Ю. И. Смирнов, соратник Ю. А. Новикова в экспедициях 1957—1960 гг. по местам записей и Рыбникова, и Гильфердинга, в каком-то смысле примирит обоих, сделав вывод: «...за исключением некоторых районов Русского Севера... эпос перестал быть продуктивным явлением еще в XIX веке. Больше того, процессы его трансформации были уже необратимыми, т. е. они стали процессами его отмирания и исчезновения» [Смирнов 1974, с. 79].

Особый интерес представляет пример, который приводит А. Ф. Гильфердинг в качестве аргумента, «что поэзия не только не умирает, а даже ищет себе новых предметов», — исполнение Матреной Гр. Меньшиковой сербской народной песни «Йово и Мара», распетой ею «таким же складом, как былины». На вопрос: «От кого ты этой старинке научилась?» — собиратель услышал в ответ: «Да от стариков наших слыхала, отец и другие старики певали». Гильфердинг делает вывод: «Этот ответ показывал, что певица уже не отличала Иовы и Мары от других „старин“, которые она заимствовала от родителей» [Гильфердинг, с. XIX]. Пример впечатляющий, так как запись была сделана «с пения» — сказительница адаптировала чужой текст к родной традиции, «не делая различия между этой песнью и настоящими былинами». Причем «предлинный» текст сербской песни был воспринят на слух⁴ — Меньшикова неграмотная, кто-то (ее отец или сын) прочитал ей опубликованный в «Пчеле» в переводе Щербины текст [Гильфердинг, с. XIX]. Здесь можно усматривать как подтверждение живой и активной традиции (свобода творческого отношения), так и признак ее

³ В другом месте статьи А. Ф. Гильфердинг поясняет: «Сравнительно с Водлозером и Кенозером берега Онежского озера, соединенного водным путем с Петербургом, суть места, гораздо более открытые влияниям, убивающим эпическую поэзию в народе, и потому неудивительно, что здесь она уже представляет признаки вымирания...» [Гильфердинг, с. XXI].

⁴ Восприятие на слух («понять с голоса») — факт, подчеркивающий изустный характер передачи и бытования традиции; элемент «книжности» в Кенозерье очень мал, что подтверждает замечание А. Ф. Гильфердинга: «...почти все наши рапсоды неграмотные. Я встретил только пятерых грамотных между 70-ю певцами и певицами былин (на Кенозере он указывает только одного — Ивана Кропачева. — А. Н.)...» [Гильфердинг, с. XVI].

угасания, поскольку «старинка» про Йово и Мару была и распета, и пропета собирателю женщиной, сама же песня явно относится к балладному типу⁵.

Существенным в этой связи видится мнение В. И. Чичерова, который отмечал в кенозерском эпическом репертуаре преобладание мотивов бытовой новеллы, повышенное внимание сказителей к семейным отношениям и личным переживаниям героев, что, как он считал, отразилось на «менее активном (в Кенозерье по сравнению с Заонежьем. — А. Н.) звучании героических былин» [Чичеров, с. 6]; он полагал, что «пути былевой традиции на Кенозере — пути изменений древнего эпоса и развития песен-баллад» [Чичеров, с. 4].

Здесь самое время вернуться к полемике А. Ф. Гильфердинга с П. Н. Рыбниковым о состоянии эпической традиции Олонецкого края, в частности, к оценке явления, отмеченного как еще один фактор деградации эпоса, — речь идет о женском репертуаре⁶, о так называемых «бабьих старинах» и их специфике. Интересен контекст, в котором проявился указанный фактор: в «Заметке собирателя» П. Н. Рыбников точного места жительства «молодицы из Кижской губы» не назвал, указал лишь, что попал в Кижскую губу по пути из дер. Боярщина, куда ездил для встречи со сказителем Щеголенком: «...Леонтий⁷ завез меня к своему знакомому, „у которого-де невестка кое-что малтает“. Мы пристали к берегу и зашли в избу. И большак-свекор, и муж, его сын, предложили, по просьбе моего путевого проводника, молодой женщине спеть старину. Певица как будто застыдилась и сначала отнекивалась от пения; но скоро ободрилась и, кормя ребенка, рассказала мне о Домне Александровне, Гришке Расстрижке и Чуриле. Тут я в первый раз узнал, что у женщин есть свои „бабьи старины“, которые поются

⁵ Ю. А. Новиков ошибочно обозначает эту песню как историческую; в статье он упоминает, что «невероятная история» имела продолжение — в 1957 г. студенты МГУ записали «Йово и Мару» в дер. Гольяницы на Водлозере (что, в общем-то, символично); правда, затем полевая рукопись, так и оставшись нерасшифрованной, была утрачена.

⁶ Из «последовательного хода поездок и записей» Рыбникова видно, что в мае — июне 1860 г. в обследуемой части региона (Кижы, Пудога, Кенозеро, Усть-Моша, Каргополь) мужское исполнение являлось нормой и естественно превалировало. Записи от женщин малочисленны (в Кижях четыре певицы, на Пудогe — одна), и мужскому исполнению они не составляли альтернативы; на Кенозере женское исполнение эпоса не зафиксировано. Сам факт женского исполнения былинного эпоса, который в значительной степени здесь просто принимался, но не отслеживался специально, — маркер одного из направлений деградации традиции; за увеличением доли исполнительниц неизбежно следовало постепенное смещение акцентов и в репертуаре, и в исполнении.

⁷ Леонтий Богданов, местный крестьянин, сам сказитель, ставший в 1860 г. по воле случая добровольным помощником П. Н. Рыбникова в его поисках исполнителей эпоса, устраивавший встречи с ними и возивший его на эти встречи.

ими с особенною любовию, а мужчинами не так-то охотно...»⁸ [Рыбников, с. LXXXII].

Размышляя над этим, А. Ф. Гильфердинг пишет: «К числу (...) признаков (вымирания эпической поэзии. — А. Н.) я отношу и замеченное г. Рыбниковым явление, что у женщин есть как бы особые любимые былины. Пример Кенозера показывает, что это не есть явление общее⁹. В самом Прионежском крае любимые былины женщин про Ставра, Ивана Годиновича, про Чурилу поются также мужчинами; но зато редкая из женщин знает былины более, так сказать, серьезные, как то: про Илью Муромца, про Садко, про Вольгу и т. д. Мне кажется, что и здесь один и тот же круг былин был некогда, как на Кенозере, общим достоянием и мужчин и женщин; по мере же утраты вкуса к эпической поэзии последние перестали петь всё то, что не представляло для них особенного интереса, и таким образом сохранили в памяти только пикантные былины про Ставра, Чурилушку, Хотёнку Блудова и т. п.» [Гильфердинг, с. XXI—XXII].

Судя по всему, именно на репертуаре¹⁰ наиболее заметно отражаются происходившие с эпической традицией Кенозерья трансформации. Данные почти за вековой период — от поездок П. Н. Рыбникова в 1860 г. до

⁸ От этой исполнительницы были записаны былина «Смерть Чурилы», распространенная на Русском Севере баллада «Митрий Васильич и Домна Александровна» и историческая песня «Гришка-Расстрижка». Поясняя происхождение термина «бабьи старины», П. Н. Рыбников иллюстрирует отношение мужчины-сказителя к таким былинам и дает известный их перечень: «Никифор Прохоров (собиратель определяет его как хорошего певца. — А. Н.) из Купецкой волости Пудожского уезда, обозвав приключения Ивана Годинова бабьей стариною, начал мне сказывать про этого богатыря (...) после особенного упрасивания. К числу таких бабьих старин принадлежат былины о Чуриле и Катерине Микуличне, о Дмитрие Васильевиче и Домне Александровне, о князе Михайле, о Хотене, Иванушке Годинове и Кострюке» [Рыбников, с. LXXXII]; однако ранее Рыбников упоминает об исполнении ему Тр. Гр. Рябининым, причем при первой встрече и во время поста, и про Хотена Блудовича, и про Ивана Годиновича [Рыбников, с. LXXVI].

⁹ Перед тем Гильфердинг вновь указывает северо-восточный ареал, и Кенозеро в частности, как место, где «былевая поэзия живет»: «Крестьяне и крестьянки, поющие былины, насчитываются здесь десятками; поют былины и старый и малый; вы здесь услышите один и тот же вариант от пяти-шести человек, мужчин и женщин, которые живут в разных деревнях; в то же время вы встретите трех братьев, которые живут в одном доме и из которых каждый знает свои особенные былины; вы встретите семейство, в котором и муж и жена охотники петь былины и поют разные. Женщины здесь воспевают тех же богатырей, как и мужчины, специальный же „бабий“ богатырь Прионежья, Ставер, которого хитрая жена выручает от князя Владимира, вовсе неизвестен кенозеркам» [Гильфердинг, с. XVIII—XIX].

¹⁰ Сюжетный состав, в котором, как указывал Ю. А. Новиков, прежде всего проявляется специфика локальной традиции [Новиков, с. 110], здесь по понятным причинам оставляем в стороне, ограничимся только обозначением жанра; в связи с этим упомянем, что, помимо новеллистических былин, Ю. А. Новиков относил к женскому репертуару также баллады, скоморошины и небылицы [Новиков, с. 162].

экспедиций МГУ 1956—1960 гг. (в фокусе — женское сказительство, репертуар и его состояние) показывают следующее.

1. По записям П. Н. Рыбникова (май — июнь 1860 г.) женское исполнение эпоса по Олонецкому краю (условно, так как записи выборочные) зафиксировано только в Кижях (4) и на Пудогге (1), на Кенозере — нет; от указанных пяти женщин записаны 11 текстов: семь былин (причем три из них в прозаическом пересказе плюс одна неполная и одна дефектная; две определяются как «бабьи»), одна историческая песня, одна баллада, один духовный стих (в прозе) и одна скоморошина (?).

2. В кенозерских записях А. Ф. Гильфердинга (восемь дней в августе 1871 г.)¹¹ шесть сказительниц, среди которых И. Д. Калитина (в сборнике «Онежских былин» представлена сразу за И. П. Сивцевым и П. А. Воиновым), уже упоминавшаяся М. Г. Меньшикова и А. В. Георгиевская; их репертуар — 21 эпическая песня: 10 полнокровных былин (три из них можно отнести к «бабьим»), четыре исторические песни, четыре баллады, две скоморошины и одна «старинка»¹².

3. По данным экспедиций 1926—1928 гг. «по следам Рыбникова и Гильфердинга» (ГАХН, Б. М. и Ю. М. Соколовы, В. И. Чичеров), исполнительниц-кенозерок четырнадцать, в их числе А. Т. Артемьева (от нее одной записаны десять былин и одна скоморошина); репертуар представлен 30 записями: 22 былины, две скоморошины, три старины, две баллады.

Результаты экспедиций 1920-х гг., по мнению В. И. Чичерова, ясно показывают, что за минувшие 60 лет «эпическая традиция Кенозерья пришла в явный упадок»: часть репертуара утеряна, его целостной картины нет и уже не будет; существенно возрос процент деформированных, дефектных текстов (с указывающими на забывание лакунами и сокращениями, конта-

¹¹ Согласно «Дневнику путешественника», А. Ф. Гильфердинг записывал на Кенозере 10–17 августа [Гильфердинг, с. VII]. Стоит при этом иметь в виду уже совершенный им на тот момент переход на качественно новый уровень техники сбора, обработки и предъявления материала: запись с напевного исполнения (с почти уникальной точностью), с фиксацией частиц и междометий, с вниманием к ритмике стиха, с регистрацией, по возможности, индивидуальных особенностей исполнения; введение паспортизации (сведения об исполнителе, время и место записи) и организация материала по исполнителям.

¹² Говоря о различиях в репертуаре мужчин и женщин, Ю. А. Новиков приводит следующие цифры: «В Олонецком крае Гильфердинг записал от мужчин 260 текстов, героические былины составили 51 %, новеллистические — 30 %, произведения других жанров — 19 %. От женщин записаны 46 текстов, на долю героических былин приходится 26 % (вдвое меньше), новеллистических — 37 %, произведений других жанров — 37 % (вдвое больше). С угасанием традиции главными хранителями эпического знания становились женщины, что не могло не сказаться на жанровом составе собранных материалов» [Новиков, с. 162].

минациями); очевидна размытость жанровых разграничений — более 75 % записей составляют новеллистические былины и былины-баллады [Чичеров, с. 6, 35] — последнее напрямую связано с увеличением доли женского исполнительства.

4. Экспедиционные материалы Ю. И. Смирнова и Ю. А. Новикова (МГУ, 1956—1960 гг.) дают 16 исполнительниц и 25 записанных от них эпических текстов, из которых (при методе сплошной записи) 22 былины, две старины, одна скоморошина.

Оценивая состояние традиции, Ю. И. Смирнов не без горечи писал: «...на Кенозере (Архангельская обл.) мы работали в течение четырех экспедиций. В результате была обследована вся восточная часть Карелии и западная часть Архангельской обл. Итоги говорят сами за себя. Так, по нашим подсчетам с Ю. А. Новиковым, экспедициями было записано в 1956—59 гг.: полных былин — 39, былин, представляющих собой начало текста, — 17, былин в отрывках — 16, прозаических пересказов — 113. Состояние баллад оказалось лучшим: из 236 текстов 216 были полными. Состояние эпической традиции резко менялось в худшую сторону буквально у нас на глазах. В 1962 г. собиратели МГУ записали: полных былин — 9, былин в отрывках — 5, прозаических пересказов — 35, полных баллад — 69, баллад в отрывках — 41, баллад в пересказах — 6. Трансформация русских эпических песен стала абсолютно необратимой...» [Смирнов 1974, с. 80].

В сущности, объединенные оценки Ю. И. Смирнова и В. И. Чичерова могут считаться итоговыми по всей приведенной статистике. К сожалению, рамки статьи не позволяют представить скрытые за цифрами уровень мастерства и индивидуальность исполнительниц или специфику репертуара.

Отчасти это может продемонстрировать малый фрагмент проводимого Ю. А. Новиковым анализа в статье об эпической традиции Кенозерья. Исследователь определяет общую картину кенозерского эпического репертуара как неоднозначную, и не только потому, что регион поражает насыщенностью записей старин и едва ли не лидирует по сюжетам на Русском Севере, но прежде всего из-за его ярко выраженной специфики. Здесь, как указывает Ю. А. Новиков, были зафиксированы: уникальные варианты эпической песни «Братья Дородовичи» (зап. от А. Д. Костина и Ф. В. Патрикеева); один из двух олонецких текстов «Старины о большом быке» (зап. от В. И. Максимова); отсутствующая в других регионах Русского Севера былина «Добрыня и Скимен-зверь» (зап. от И. Д. Калитиной, позже — от ее сына, И. М. Калитина); не имеющая аналогов оригинальная версия «Камского побоища» (зап. от А. Т. Артемьевой, позже — от ее сына, И. П. Артемьева); кроме того, Кенозеро — основной ареал бытования «Чурилы и князя» (былины

«бабьей», но представленной почти сплошь в мужском исполнении). При этом, подчеркивает исследователь, по качеству варианты кенозерцев превосходят варианты из других регионов.

Специфику женского сказительства Ю. А. Новиков затрагивает лишь косвенно, анализируя репертуар и исполнительское мастерство четырех певиц — М. Г. Меньшиковой, И. Д. Калитиной, А. Т. Артемьевой и А. Ножкиной. И если видеть в работе экспедиций конца 1920-х гг. фиксирование условной «точки невозврата» кенозерской традиции, интерес из указанных четырех представляет творчество Авдотьи Тимофеевны Артемьевой, которое позволяет судить о происходившей трансформации. Рассматривая наиболее важную его часть¹³, Юрий Александрович обозначает некоторые из маркеров, но только некоторые, поскольку задачи подготавливаемой статьи были иные и работа осталась незавершенной. Исходя из этого, мы сочли возможным привлечь к обозначенным Новиковым позициям мнение В. И. Чичерова, участника тех экспедиций, знавшего и творчество сказительницы, и специфику и состояние кенозерской традиции.

А. Т. Артемьеву определяли как «замечательную по памятности и образности языка сказительницу»¹⁴, талантливую ученицу И. П. Сивцева (Поромского)¹⁵. «Почти все сказители 20-х гг., — указывает В. И. Чичеров, — механически повторяли запомнившиеся им варианты. Единственный человек из них, характеризующийся в большей или в меньшей мере творческим подходом к воспринятому наследию, — Авдотья Тимофеевна Артемьева из Першлахты...» [Чичеров, с. 32]. Однако Ю. А. Новиков обращает внимание на далеко не всегда высокое качество текстов Артемьевой — очевидна тенденция к сокращению, встречаются пропуски деталей и исключение эпизодов, составляющих специфику традиции Кенозера, возможны разного рода отклонения, замены, смещение акцентов и т. д. Так, например, он указывает, что в былине «Три поездки Ильи Муромца»¹⁶ певица ограничивается двумя

¹³ В. И. Чичеров указывает 19 былин Артемьевой, Ю. А. Новиков анализирует семь былин и одну историческую песню, т. е. менее половины записанных от нее текстов.

¹⁴ [Соколов, Чичеров, с. 54–55]. На первой же встрече (экспедиция 1927 г.) она называет собирателям 25 известных ей былин и стихов; но назвать и пропеть — не одно и то же: Новиков отмечает, что из былины «Добрыня и Маринка» Артемьева смогла припомнить только первые 39 стихов.

¹⁵ Шесть из восьми былин Артемьевой, как указывает Новиков, совпадают в сюжетном плане с вариантами лучших представителей «сивцевской школы», а пять близки по содержанию и стилю. О И. П. Сивцеве (Поромском) и связываемой с ним сказительской традицией Кенозерья см.: [Мелютина].

¹⁶ Былина поздняя, уже в контаминации («Три дороги Ильи Муромца» + «Илья и разбойники») она была принесена на Кенозеро переселенцами с реки Онеги и бытовала главным образом

первыми поездками, заключая повествование словами: «*А третью дорожку, где богатому быть, забыла. Да и не знала!*» [Соколов, Чичеров, с. 759]. Примечательно, что описавший ситуацию В. И. Чичеров при этом подчеркивает, что вариант Артемьевой точно сохраняет сивцевский текст, отклонения же незначительны, так как «оставляют почти неизменной словесную ткань текста Поромского, допуская в отдельных случаях пополнения формулы, замену одних слов другими, иногда выпадение эпизода» [Чичеров, с. 20–21].

В «Дюке Степановиче» Артемьева также выпускает эпизод популярный и, как подчеркивает Ю. А. Новиков, для кенозерской версии характерный — встречу героя с Ильей Муромцем. В. И. Чичеров добавляет к этому сокращение и обытовление еще одного эпизода и делает неутешительный вывод: «Артемьева вообще сводит на нет элементы богатырского состязания, имеющие место в этой былине; так, весь эпизод скакания на конях через Пучай-реку у нее занимает всего 17 стихов (у Поромского он изложен в 38 стихах). Заметно уменьшение внимания к элементам героической былины и возрастание роли деталей новеллистического характера» [Чичеров, с. 34]. Он отмечает также мелкую, но существенную деталь, о которой Новиков не говорит, — сказительница заменяет Чурилу Алешей Поповичем: «Видимо, это произошло по связи с былиной о „Добрыне и Алеше“. И в той и в другой былине есть много общего в роли антагониста героя, в его самохвальстве, неудачливой самонадеянности. (...) В редакции Артемьевой Алеша Попович во многом лишен качеств богатыря. Недаром он (на месте Чурилы. — А. Н.) — приближенный Владимира и живет в княжеском Киеве, о котором идет нехорошая молва: „Во Киеве живут мужики лукавыи...“» [Чичеров, с. 34].

И в варианте «Чурилы и Катерины» Артемьевой есть отклонения от сивцевского текста. Ю. А. Новиков указывает на снижение драматичности финала былины (у Сивцева Катерина, узнав, что Чурила убит, бросается на ножи, а у Артемьевой «Бермя сын Васильевич» казнит любовников), на мелкие упрощения (игра «в шашечки», а не «в шахматы»), на сокращения описаний (смерть Чурилы, женитьба Бермяты на девке-чернавке). В. И. Чичеров здесь, с одной стороны, Артемьеву оправдывает: «Отклонения ее былины от варианта Поромского имеют характер отступлений, которые может допустить каждый сказитель при повторных исполнениях»; с другой стороны, он обозначает главное — «Тенденция к сокращению тек-

у их потомков, каковыми надо считать Сивцевых и состоявшую с ними в родстве А. Т. Артемьеву [Смирнов 2011, с. 369, 372].

ста вообще характерна для Артемьевой. При этом подчеркиваются бытовые элементы, наблюдается тяготение к форме баллады» [Чичеров, с. 33, 34]. Более того, он полагает, что, «восприняв традицию», Артемьева расширила репертуар сивцевской школы, причем сделала это «не за счет героических воинских сюжетов, а по преимуществу путем добавления новелл и баллад»¹⁷ [Чичеров, с. 32].

Краткий артемьевский вариант былины о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича¹⁸, по мнению Ю. А. Новикова, изобилует прозаизмами (ст. 39–45, 60–61, 83–90 и др.) и, как он считает, не относится к кенозерско-мошенской версии сюжета, которую культивировали Сивцев (Поромский) и его преемники. Основанием для такого вывода, скорее всего, стали необычное начало и снятие элементов богатрства в традиционном исполнении версии. В. И. Чичеров отмечает оба отклонения, причем второе определяет как тенденцию «к превращению былины в бытовое повествование»: «Здесь совершенно изменено характерное кенозерское начало былины о пире у князя Владимира, на котором решают послать Добрыню навстречу нахвальщику. Артемьева начинает свою былинку мотивом, заимствованным из „Ивана Годиновича“. Добрыня говорит о дочери Николы Зиновьева, на которой просит разрешения жениться. Только уже после этого говорится о посылке Добрыни в поле. О посылке его сказано в трех строках (...) Эпизод встречи с Бабой-Ягой, бой с ней, роль Ильи как «вестника», его помощь Добрыне в бое с врагом — словом, все элементы воинской героики — в варианте Артемьевой исчезли» [Чичеров, с. 34].

Иное объяснение нетрадиционного начала артемьевского варианта «Добрыни и Алеши» дает Ю. И. Смирнов. Он предположил, что Артемьева использовала некое местное новообразование, повествующее о женитьбе Добрыни на Катерине, дочери Николы Зиновьева¹⁹. «Нельзя сказать, — считает Ю. И. Смирнов, — что она сама придумала новообразование, но не существует и прямых сведений о том, что новообразование создано кем-то

¹⁷ Ю. А. Новиков отметил, что значительную часть репертуара Артемьевой составляют варианты произведений, примыкающих к былинному жанру, и прежде всего баллады — из 19 записанных от нее «старин» семь принадлежат к жанру баллады; но он не отмечает, что такое замещение отразило общее состояние былевой поэзии на Кенозере в 1920-х гг. (напомним, что 75 % всех записей там в 1927 г. составили новеллистические былины и былины-баллады), являлось частью процесса исчезновения былинного эпоса.

¹⁸ Былина «Добрыня и Алеша» была на Кенозере популярна, но бытовала только в виде контаминации, что, как считал Ю. И. Смирнов, было свидетельством ее позднего эволюционирования [Смирнов 2011, с. 369].

¹⁹ Исходя из имени и фамилии «тестя» Добрыни, Ю. И. Смирнов предполагает здесь след «какой-то новгородской былины» [Смирнов 2011, с. 368–369].

еще. В новообразовании дочь Николы несколько раз названа Катериной, но стоило певице перейти к традиционному наказу Добрыни перед отъездом, как она традиционно же назвала жену героя Настасьей Микуличной. Певица явно знала две версии былины „Добрыня и Алеша“. Она принялась пропевать одну версию, пропела ее начало — о женитьбе Добрыни — и, быть может, незаметно для самой себя стала воспроизводить другую версию. Так, видимо, произошла у нее несостыкованность начала и последующего повествования...» [Смирнов 2011, с. 368].

Две былины Артемьевой Ю. А. Новиков определяет как не принадлежащие кенозерскому репертуару — «Дунай-сват» и «Чудь белоглазая» («Камское побоище»).

Артемьевский «Дунай», по мнению Юрия Александровича, совпадает по содержанию с пудожским новообразованием «Непра и Дон» (с заменой имен главных героев в финальной сцене «Дуная») [Былины Пудог, № 329–336]. Дело в том, что на Кенозере былина «Женитьба князя Владимира (Дунай-сват)» фиксировалась редко и в купированном виде — обычно как самостоятельное произведение исполнялась первая часть сюжета²⁰; Артемьева же, как указывает Чичеров, пела только вторую часть былины — о состязании в стрельбе Дуная и Настасьи (в ее варианте — Марьи Микуличны). Существование такого локального варианта подтверждает и Ю. И. Смирнов: «Вместо традиционного текста (...) на Кенозере бытовала иная, параллельная форма „Дунай и его жена“, притом в виде самостоятельного произведения» [Смирнов 2011, с. 367–368].

Вторую былинку — «Чудь белоглазая» — Ю. А. Новиков отметил особо, говоря об уникальном наследии кенозерской эпической традиции. Былина редкая, на Кенозере зафиксирована лишь раз²¹; Новиковым ее название указывается как «Камское побоище» по аналогии с принятым обозначением сюжета о гибели русских богатырей²². Генетически версия Артемьевой

²⁰ См. «Дунай» (№ 272), зап. от И. А. Гурьбина [Гильфердинг, стб. 1214–1215].

²¹ Былина записывалась на Кенозере дважды: в 1927 г. от А. Т. Артемьевой [Соколов, Чичеров, № 215] и в 1958 г. от ее сына, Ивана Петровича Артемьева (АКФ МГУ. ФЭ 03, 1958. П. 3. Тетр. 13. Ед. хр. 104. Л. 0594, зап. Ю. Новиков и Т. Ярембаш). По мнению Новикова, И. П. Артемьев кардинально переработал материнский вариант: нет ни географической приуроченности, ни библейских имен; «Захарьевичей» и др. заменили Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович; место «чуди белоглазой» заняла «сила небесная». В его варианте чувствуется влияние хрестоматийной записи старины о гибели богатырей, сделанной поэтом Л. Меем в Сибири в середине XIX в.

²² Ю. И. Смирнов источником артемьевской «Чуди» называет многосоставные произведения типа «Камское (Мамаево / Маево) побоище», которые записывали в восточной части Русского Севера [Смирнов 2011, с. 365].

связана с севернорусскими преданиями о чуди и не является индивидуальной новацией кого-то из местных сказителей, сюжет был им известен²³.

В основу кенозерской модификации сюжета традиционно положен рассказ о том, как из-за хвастовства богатырей восстали из мертвых убитые враги. Однако в деталях повествования, считает Ю. А. Новиков, текст Артемьевой во многом оригинален:

— события происходят в «Ерусóлиме» во времена библейского царя «Солóмана Давыдовица»;

— богатыри «Захарьивици», «Макарьивици» и «Яковлевици» ни в одной другой эпической песне не встречаются, но «чудь белоглазая... долгозубая... долгополая» известна из преданий южных районов бывших Олонецкой и Архангельской губерний и нередко фигурирует в севернорусских былинах как этнический противник богатырей;

— удивителен финал: вражеские воины оживают по слову «Матери Пресвятой Богородицы», богатыри же погибают, «подколовшись» на собственные копья.

Тем более неожиданной представляется оценка, данная В. И. Чичеровым: «Былина „Чудь белоглазая“, — говорит он, — уникальна, связана с духовными стихами и выпадает из репертуара Артемьевой. Сохранность ее не вполне удовлетворительна — например, смят конец былины. Дефектность текста указывает на случайность его в репертуаре сказительницы, на забвение ею этой ценной былины» [Чичеров, с. 32].

Наконец, артемьевский вариант исторической песни «Авдотья Рязаночка» хоть и относится к традиционному сивцевскому репертуару, но, по мнению Ю. А. Новикова, тоже имеет дефект: решение Бахмы Турецкого отпустить плененных родных героини ничем не мотивировано, т. е. утрачивается едва ли не ключевой смысловой элемент сюжета.

* * *

Подведем итоги. Есть все основания считать роль женской составляющей в кенозерском сказительстве двоякой: с одной стороны, женское исполнение эпоса способствовало поддержанию традиции (сохранению репертуара и исполнительской школы), с другой — способствовало ее отмиранию. Ю. А. Новиков указывал: «С угасанием традиции главными хранителями эпического знания становились женщины», — и добавлял, что это «не могло не сказаться на жанровом составе» [Новиков, с. 162].

²³ В одном из писем к П. А. Бессонову П. Н. Рыбников сетовал на тщетность попыток получить запись старины, «рассказывающей о борьбе корел и чуди с русскими».

Сказывалось, разумеется, не только на жанровом составе, и маркеры происходящих изменений попадают уже в середине XIX в.²⁴, т. е. с начала фиксации женского сказительства. Утверждение А. Ф. Гильфердинга, что женщины пели наравне с мужчинами и что особых различий в репертуаре не было, корректируется различной приуроченностью мужского и женского исполнения эпоса: мужчины в основном исполняли старины, занимаясь производственной деятельностью (лов рыбы, плетение сетей и т. п.); женщины же пели эпос во время постов и великих праздников, когда другие жанры были под запретом [Петров, с. 15–16]. Тот же А. Ф. Гильфердинг делает со слов сказительницы А. В. Георгиевской следующую запись: «Выучилась былинам от крестьянина — „швеца“ из Масельги ⟨...⟩ который по зимам живал для портняжных работ в доме ее отца. ⟨...⟩ причина, подавшая ей повод усвоить себе былины, состояла в том, что ее отец, отличавшийся особенно суровостью характера, запрещал своим дочерям петь хороводные и другие веселые песни, которые он называл греховодными, и заставлял их петь божественные стихи. Вместе с такими стихами она от скуки выучилась и былинам» [Гильфердинг, стб. 1226]. И приуроченность исполнения, и обозначенная мотивация к освоению былин предполагают различия, причем как в жанровом составе и репертуаре, так и в самом отношении к былинам и их исполнению.

1. В женском сказительстве, подтверждая отмеченную дуальность, есть стремление к сохранению репертуарного «ядра» традиции — поддержание набора былин, понимаемых как кенозерские. Ю. А. Новиков разбирает таковой, указывая блоками:

а) уникальные былинные сюжеты Кенозерья; но только два из пяти обозначенных сюжетов представляют женскую редакцию и исходно записаны в женском исполнении («Добрыня и Скимен-зверь» И. Д. Калитиной и «Камское побоище» А. Т. Артемьевой), и только два из пяти имеют отношение к былинной героике («Братья Дородовичи» и все то же «Камское побоище»), остальные, по рыбниковскому определению, — «бабьи» старины;

б) наиболее популярные у кенозерцев сюжеты — «Три поездки Ильи Муромца» и «Илья Муромец и голи кабацкие», но в женском исполнении они редко попадают в чистом виде и целиком, чаще в контаминациях и купированными (как, например, вариант А. Т. Артемьевой), а элементы богатырской героики, как правило, оказываются сняты; это относится и к былинам общим для региона в целом — «Добрыня и Алеша», «Добрыня и Маринка», «Дюк Степанович»: кенозерки исполняли их подкорректированными,

²⁴ Предположение, что «уже первичные собиратели имели дело с отмирающей былинной традицией» [Новиков, с. 163], распространяется и на Кенозерье.

с усилением новеллистических элементов и изъятием героических (например, бой с Бабой-Ягой в «Добрыне и Алеше»);

в) былины, оказавшиеся вне интересов кенозерских сказительниц, но являющиеся лидерами активного бытования в других районах Онежского региона, — «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Исцеление Ильи», «Илья и Калин»; они часто исполнялись в контаминации и, что важно, имели ярко выраженный героический компонент. Отсутствие интереса не означает, что этих былин в Кенозерье и окрестностях не знали, подобно не зафиксированным там «Ставрु Гоудиновичу», «Садко», «Добрыне и Василии Казимировичу», «Соловью Будимировичу», «Сухману» и «Михайле Потыку»²⁵ (только один из указанных может быть отнесен к сюжетам героическим).

Здесь стоит иметь в виду, что уже в 60-х гг. XIX в. эпическая традиция региона не была продуктивной и что обозначенный репертуарный набор в немалой степени условен — записи и Рыбникова, и Гильфердинга являлись, по сути, выборочными, к тому же у собирателей был вполне объяснимый настрой на фиксацию «полнокровных» текстов. Поэтому прав Ю. И. Смирнов, говоря, что представить реальную картину эпического репертуара Кенозера невозможно, равно как и судить о происходивших здесь движениях или утратах [Смирнов 1974, с. 79–80].

2. Специфика женского исполнения эпоса проявилась в ощутимой статичности, снижении творческого потенциала, что В. И. Чичеров, характеризуя состояние кенозерской традиции конца 1920-х гг., обозначил как «механическое повторение» — с точностью, насколько позволяет память, и в меру способностей воспроизведение «понятых» от мастеров образцов. Так, например, А. Ф. Гильфердинг, записывавший от Ирины Андреевой, указал, что та «слыхала былины от стариков и поет некоторые из них, впрочем, довольно нескладно. (...) она пела еще общеизвестную женщинам старину про двух любовников и весьма плохой пересказ того самого варианта былины про молодца и реку Смородину, который поет Лядков²⁶» [Гильфердинг, стб. 1262]; по сообщению собирателей (экспедиция 1958 г.), Анна Макаровна Артемьева, правнучка И. П. Сивцева, «к стихам относится серьезно и бережно, подчеркивает, что от себя ничего не прибавляет»²⁷.

²⁵ У А. Ф. Гильфердинга, например, указывается, что певица Марья Семеновна Лоскутова выучилась былинам «от своего отца, который (...) пел очень много и между прочим знал большую былинку про Михайлу Потыка, ею забытую» [Гильфердинг, стб. 1239].

²⁶ Лядков — прозвище Ивана Михайловича Кропачева, сказителя из д. Мамоново, от которого записывали П. Н. Рыбников в 1861–1862 гг. и А. Ф. Гильфердинг в 1871 г.

²⁷ АКФ МГУ. ФЭ 03, 1958. П. 3. Тетр. 6. Ед. хр. 62. Л. 0240–0241, зап. Ю. И. Смирновым 25–27 июля 1958 г., д. Першлахта; помета: «Все записанное называла стихами». Здесь и далее вы-

3. Очевидно стремление к поддержанию «сивцевской школы», в том числе через перенимание традиции по семейно-родовому принципу, — исполнительницы, будучи родственницами или ученицами И. П. Сивцева или его преемников, в свою очередь, передают родственникам и детям. Преобладает передача по женской линии — дочерям, племянницам, невесткам, внучкам (сыновья И. Д. Калитиной и А. Т. Артемьевой в этом смысле исключение), хотя зафиксированы и случаи передачи от тетки племяннику, от жены мужу (или жене от мужа, а тот «понял» от отца) и т. д.

4. То, что женское сказительство свидетельствовало об угасании традиции и способствовало этому, в частности, через перенаправление акцентов, подтверждают:

а) корректировка репертуара по интересам — отбирается то, что востребовано, популярно, приводя к превалированию новеллистических и лирических мотивов, к забвению былинного эпоса. Так, Павла Константиновна Старицына сообщила собирателям: *«Про богатырей — те стихи, конечно, поинтересней были. <...> Я не пою стихов. Если бы вы не спросили, я бы не вспомнила. Отошли стихи в сторону: старые люди вывелись, старое стали забывать...»*²⁸;

б) корректировка, что называется, по возможностям — и здесь вопрос: насколько сложно для певицы вытянуть и держать мужское ритмическое оформление былинного стиха (распев)?²⁹ Так, на записи в 1927 г. Настасья Феоктистовна Капустина петь былины согласилась не сразу, говоря: *«...не спеть старинок-то мне, не спеть»* [Соколов, Чичеров, с. 851]; и, записывая Настасью Степановну Абрамову, собиратели указали: *«...былины сейчас не поет, на просьбы <...> долго отказывалась, боясь спутать текст,*

держки из экспедиционных записей с воспоминаниями и высказываниями кенозерских сказительниц приводятся по материалам подготавливаемого к печати тома 19 («Былины Кенозера») Свода русского фольклора.

²⁸ АКФ МГУ. ФЭ 03, 1958. П. 3. Тетр. 5. Ед. хр. 16. Л. 0138–0139, зап. Ю. И. Смирновым 1 янв. 1958 г., д. Першлахта; помета собирателя: «Стихами П. К. называет и былины, и былины-баллады, и духовные стихи».

²⁹ Примечателен в этой связи упомянутый А. Ю. Кастровым опыт экспедиционной записи (ИРЛИ, Кенозеро, 1988 г.) от Григория Дмитриевича Сивцева, исполнителя в возрасте и уже нездорового (ум. в 1990 г.), — петь, не прерываясь, ему было тяжело, и память подводила; в перерывах, пока Г. Д. переводил дух, ему подсказывала жена, М. А. Сивцева, но при этом сама она петь так и не решилась. Фактически так же повела себя и другая местная исполнительница — Анна Федоровна Сивцева, предложив собирателям прозаический пересказ интересующей их былины, и только заключительную часть она пропела [Кастров, с. 360, 359], при том что Анна Федоровна — правнучка И. П. Сивцева и «одна из талантливейших сказительниц династии». О династии Сивцевых, включая информацию о Г. Д. и А. Ф. Сивцевых, см.: [Мелютин, с. 138, 142, 144].

по ее выражению, „с голосу сбить“. Начиная петь, сказала: „Потом наведу голос; голос разбежится...“» [Соколов, Чичеров, с. 868];

в) переход на прозаический пересказ, отказ от напевного исполнения из страха не вспомнить, спутать, «перевернуть» — об этом есть свидетельства в записях XIX в. (А. Ф. Гильфердинг, например, сообщает о Матрене Гр. Меньшиковой: «Про Садка купца богатого она рассказывает словами, изредка переходя к стихотворному складу...» [Гильфердинг, стб. 1233]) и в записях конца 50-х гг. XX в. — сказительница Акулина Ивановна Матюгова напела начала четырех былин, но на настойчивые просьбы досказать былинку «Три поездки Ильи Муромца» отказалась: «*Наврү как, да!*»³⁰ Как заметила собирателям Агафья Александровна Артемьева, слышавшая, по ее собственному признанию, много песен и стихов, но запомнившая очень мало, «*нужды не было вспоминать. (...) Не в такой жизни люди теперь живут, из-за того и не помнят большие старины*»³¹.

Литература

- Былины Пудоги — Былины: В 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2015. Т. 18, кн. 1: Былины Пудоги / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. 1295 с. (Свод русского фольклора).
- Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1873. LVI с., 1336 стб.
- Кастров — Кастров А. Ю. Кенозерские эпические напевы: Материалы и комментарии // Русский фольклор. СПб.: Наука, 1995. Т. 28. С. 349–361.
- Мелютинина — Мелютинина М. Н. Родословная сказительской династии Сивцевых (Поромских) как ценный источник для изучения эпического наследия Кенозерья // Кенозерские чтения — 2015: Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек: Сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. / [Мин-во природ. ресурсов и экологии РФ, ФГБУ «Нац. парк Кенозерский», Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]; Отв. ред. Е. Ф. Шатковская, сост. М. Н. Мелютинина. Архангельск: ООО «Партнер НП», 2016. С. 138–150.
- Новиков — Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 376 с.
- Петров — Петров Н. В. Русский эпос: герои и сюжеты. М.: Неолит; Редкая птица, 2017. 280 с.
- Рыбников — Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. М.: Сотрудник школ, 1909. Т. 1. С. LX–CII.

³⁰ АКФ МГУ. ФЭ 03, 1958. П. 3. Тетр. 6. Ед. хр. 27–29. Л. 0162, зап. Ю. И. Смирновым 25–27 июля 1958 г., д. Першлахта.

³¹ АКФ МГУ. ФЭ 03, 1959. П. 3. Тетр. 16. Ед. хр. 40. Л. 3258–3259, зап. Б. Исадченко, Н. Фоминой 2 авг. 1959 г., д. Тарасово Архангельской обл. (уроженка д. Рыпусово на Кенозере).

- Смирнов 1974 — Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции: Проблемы эволюции. М.: Наука, 1974. 264 с.
- Смирнов 2011 — Смирнов Ю. И. Состав былинной традиции Кенозера // Кенозерские чтения — 2009: Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук: Сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. / [Мин-во природ. ресурсов и экологии РФ, ФГУ «Нац. парк Кенозерский»]; Отв. ред. Е. Ф. Шатковская, сост. М. Н. Мелютина. Архангельск: ООО «Партнер НП», 2011. С. 346–374.
- Соколов, Чичеров — Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. Ю. М. Соколова; подгот. текстов, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1948. 937 с.
- Чичеров — Чичеров В. И. Былины на Кенозере / Науч. ред., сост. В. П. Аникин [Мин-во природ. ресурсов и экологии РФ, ФГБУ «Нац. парк Кенозерский», Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. Северодвинск: ЗАО «Партнер НП», 2015. 44 с.

References

- 'Byliny Pudogi' (2015), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 18, 1, 1295 p.
- Chicherov, V. I. (2015). *Byliny na Kenozere*. Severodvinsk: Partner NP, 44 p.
- Gilferding, A. F., ed. (1873). *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gilferdingom letom 1871 goda*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, LVI p., 1336 col.
- Kastrov, A. Yu. (1995). 'Kenozerskie epicheskie napevy. Materialy i kommentarii', in: *Russkii fol'klor*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 28. Vol. 28, 349–361.
- Melyutina, M. N. (2016). 'Rodoslovnaya skazitelskoi dinastii Sivtseykh (Poromskikh) kak tsenniy istochnik dlya izucheniya epicheskogo naslediya Kenozer'ya', in: Ye. F. Shatkovskaya, M. N. Melyutina, eds., *Kenozerskie chteniya — 2015: Zapovedannoe Kenozer'ye: priroda, kultura, chelovek: Sbornik materialov VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Arkhangelsk: Partner NP, 138–150.
- Novikov, Yu. A. (2000). *Skazitel' i bylinnaya traditsiya*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 376 p.
- Petrov, N. V. (2017). *Russkii epos: gerai i syuzhety*. Moscow: Neolit; Redkaya ptitsa, 280 p.
- Rybnikov, P. N. (1909). 'Zametka sobiratelya', in: A. Ye. Gruzinskii, ed., *Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym*. 3 Vols. Moscow: Sotrudnik shkol. Vol. 1, LX–CII.
- Smirnov, Yu. I. (1974). *Slavyanskie epicheskie traditsii: Problemy evolyutsii*. Moscow: Nauka, 264 p.
- Smirnov, Yu. I. (2011). 'Sostav bylinnoi traditsii Kenozera', in: Ye. F. Shatkovskaya, M. N. Melyutina, eds., *Kenozerskiye chteniya — 2009: Etnokulturnyi landschaft Kenozer'ya: mezhdistsiplinarnoe issledovanie na peresechenii estestvennykh i gumanitarnykh nauk: sbornik materialov IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Arkhangelsk: Partner NP, 346–374.
- Sokolov, Yu. M., Chicherov, V. I., eds. (1948). *Onezhskie byliny*. Moscow: Izdatel'stvo gosudarstvennogo literaturnogo muzeya, 937 p.